

— Съешь ещё пиалу рису, Сяо Цзян!

— Вот ещё мозговая косточка, в ней столько пользы! Ешь побольше, быстрее вырастешь. Ну-ка, давай сюда пиалу.

— А вот свиные кишки с тофу — любимое блюдо нашего Цзиньчэна. Положи себе ещё рису, подлей соуса...

За обеденным столом в доме Янь Цзиньчэна всегда было шумно, а уж когда приходили гости — и подавно.

Янь Цзиньчэн неторопливо двигал палочками. Слушая чересчур радужные причитания бабушки, он слегка приподнял взгляд. Цзян Ли, словно защищая сокровище, прижимал пиалу к груди, обхватив её обеими руками, и бережно сжимал запястье старушки, не давая забрать посуду.

— Бабушка, я правда уже две пиалы съел! В меня больше не влезет, честно! — отчаянно мотал он головой.

— Неужто и впрямь наелся? Насовсем? — Бабушка ласково улыбнулась Цзян Ли и, для вида посравнивав силы, отступила. Но не успел никто и слова вымолвить, как она ловким, натренированным движением сгребла пиалу прямо из-под носа у внука: — Ну, тогда Чэнчэн съест ещё! Гость две свалил, а ты и одну не осилил. Отстаёшь!

Янь Цзиньчэн, только что с удовольствием наблюдавший за чужой бедой, мгновенно застыл. Усмешка замерла на губах, и он безнадежно вздохнул:

— Бабушка, я больше не могу. Ты же мне сама с горкой насыпала, забыла?

— Ну и что! Тебе расти надо больше всех. Сяо Цзян вон тебя чуть ли не на полголовы выше, — проигнорировала его жалобы бабушка и наложила ему ещё полпиалы. — Полей подливкой и доешь. Будь послушным мальчиком.

— А? — Янь Цзиньчэн вскинул голову, скептически смерив взглядом Цзян Ли. — Глупости. С чего бы это?

— Что значит «с чего бы»? — Дедушка сделал глоток традиционной водки, похлопал Цзян Ли по плечу и подмигнул: — А ну-ка, встань да примерься с ним плечом к плечу. Пусть утрётся!

Янь Цзиньчэн фыркнул, решив, что старики совсем выжили из ума и у них просто двоится в глазах.

Он лениво поднялся из-за стола и потянул Цзян Ли за рукав.

Тот послушно выпрямился. Они встали друг напротив друга. Цзян Ли терпеливо ждал, пока Янь Цзиньчэн приложит раскрытую ладонь к своей макушке и медленно проведёт ею по воздуху к нему. Вместе с этим движением до Цзян Ли донёлся еле уловимый, свежий запах его геля.

В следующий миг Цзян Ли ощутил, как ладонь Цзиньчэна уткнулась ему куда-то чуть ниже линии роста волос. Замрев секунды на три, тот, явно не желая смириться с очевидным, предпринял ещё одну попытку — но рука снова упёрлась в ту же точку.

Цзян Ли едва удержался от смеха и быстро отвернулся.

Янь Цзиньчэн застыл, а потом стремительно юркнул обратно на стул, схватил палочки и принялся напряжённо уплетать рис.

— ... У него просто подошва толще, — донёлся до Цзян Ли едва слышный бубнёж.

Цзян Ли бросил взгляд на домашние тапочки — точно такие же, как у Янь Цзиньчэна, — и губы его невольно тронула улыбка.

— Так он же в твоих тапках ходит, — отрезала бабушка, безжалостно добивая внука.

Янь Цзиньчэн даже носа от пиалы не поднял:

— Зато у него лоб высокий.

Цзян Ли от неожиданности мгновенно ляпнул:

— ... Да ну тебя к чёрту.

— У Сяо Цзяня очень гармоничные черты лица, не наговаривай, — дедушка и впрямь повернулся и внимательно оглядел гостя.

Янь Цзиньчэн пытался сохранить невозмутимую мину, но не выдержал и сам прыснул:

— Ой, ну какие же вы невыносимые!

— И не говори! Дед твой вечно придерется! Вы у нас и так орлы, хоть сейчас в баскетбольную команду набирай, стоит ли из-за пары сантиметров переживать?

— Ах вот как! — Дедушка, глядя, как супруга без зазрения совести переметнулась на другую сторону и свалила всю вину на него, с досады плеснул себе ещё стопку водки и причмокнул: — Ни стыда у вас, ни совести! Оба хороши!

— Ты мне тут не усердствуй! Тебе в день только одну стопку положено, думаешь, я не вижу? — Бабушка строгим взглядом смерила мужа и отодвинула бутылку подальше.

Дед лишь развёл руками и вздохнул:

— Зоркая ты больно. Какая из тебя старуха?

— А иначе как бы я разглядела, что Сяо Цзян повыше нашего Чэна будет?

Дедушка тайком указал пальцем на внука:

— Потихе ты, а то Чэнчэн расстроится.

— Наш Чэнчэн не в отца! Тот с малых лет ни единого замечания вынести не мог...

Картина перед глазами затаила в себе столько домашнего уюта, что Цзян Ли даже замер, забыв сесть обратно за стол.

Оперевшись ладонью о край, он уставился куда-то в пустоту. Взгляд его сам собой соскользнул на Янь Цзиньчэна, и Цзян Ли отчего-то принялся пристально наблюдать за тем, как тот ест.

Мягкие лучи заходящего солнца заливали комнату предвечерним золотом. Каждое движение парня напротив казалось кадром из замедленной киноленты. Цзян Ли и сам не понял, в какой момент провалился в это оцепенение.

Летний закат обладает особым чародейством: он выбивает почву из-под ног, заставляя на секунду забыть, кто ты и где находишься. Слова вокруг теряют смысл, превращаясь в чистые эмоции. Мир сужается до крошечной точки, в которой нет ничего, кроме Янь Цзиньчэна.

В памяти всплыл образ: Янь Цзиньчэн стоит у раковины, шевеля губами:

«Вообще-то, даже если бы мы не договаривались, я всё равно уже давно считал тебя другом».

В ушах Цзян Ли слились два звуковых потока — воспоминание и реальность, пока не растворились в тихом, мягком смехе.

Переполненное грудное тепло отчего-то заставило сердце сладко сжаться. Цзян Ли не знал,

чем объяснить это чувство, списав всё на непривычную радость от обретения настоящей дружбы. Он невольно протянул руку и аккуратно сжал тёплый затылок Янь Цзиньчэна.

Тот недоумённо вскинул голову и вопросительно приподнял бровь:

— Ты чего?

Цзян Ли покачал головой и искренне улыбнулся:

— Жаль, что мы не познакомились раньше.

Янь Цзиньчэн замер. Напряжённое молчание накрыло их плотным коконом. Он долго ничего не отвечал, но, заметив, как улыбка на лице Цзян Ли сменяется замешательством, мгновенно сгладил паузу лёгкой, едва заметной улыбкой.

Так и не сказав, поздно это или в самый раз.

До начала вечерней самоподготовки оставалось немного времени, и бабушка удержала Цзян Ли, настояв, чтобы тот перекусил фруктами перед дорогой в школу.

Янь Цзиньчэн, перелазивший утром через окно, ушёл в комнату сменить брюки. Выйдя в коридор, он обнаружил Цзян Ли у дверей дедушкиной и бабушкиной спальни. Тот заворожённо разглядывал старый деревянный шкаф, стоявший у стены.

— Что, никогда таких не видел? — Янь Цзиньчэн подтолкнул его в плечо, увлекая внутрь. — Дед сам смастерил. Добротная вещь, с самой родительской свадьбы стоит, и хоть бы хны.

Цзян Ли сначала кивнул, потом качнул головой и ткнул пальцем в россыпь мелких алых наклеек-цветочков, которыми была обклеена вся дверца:

— Это те самые? Из детского сада?

— Ага, — усмехнулся Янь Цзиньчэн. — Когда мне в садике клеили на лоб такую наклейку, бабушка переносила её сюда. А на Новый год пересчитывала цветочки, пририсовывала к их количеству два нуля и выдавала мне конверт с деньгами.

Красные цветочки.

Цзян Ли застыл, невзирая на время, вглядываясь в поблекшие наклейки. В его жизни никто никогда не придавал значения подобным мелочам. Разумеется, грамоты всегда уступали кубкам, а уж о бумажных цветочках, которые обычно выбрасывали в тот же день как ненужный

мусор, и говорить не приходилось.

Поддавшись непонятному порыву, он протянул руку и аккуратно поддел край совсем древнего цветочка, почти потерявшего клейкость. Тот лёг на ладонь невесомым, ломким сухим листочком.

Цзян Ли бережно сжал пальцы и оглянулся на Янь Цзиньчэна:

— Можно я заберу?

— Зачем она тебе? — удивился тот. — Вся истлела от времени, держать не будет.

— Нравится, — ответил Цзян Ли и, не дожидаясь разрешения, спрятал наклейку в карман.

— В ваших богатых детсадах воспитатели разве не выдавали таких?

— Не помню, — Цзян Ли развернулся и обнял Янь Цзиньчэна за плечи. — Будем считать, что эту ты мне вручил.

Янь Цзиньчэн искоса смерил его взглядом:

— Это с какого перепугу? За какие такие заслуги?

— За то, что я сегодня честно умял две пиалы рису, — рассмеялся Цзян Ли и, передразнивая недавнюю сцену, приложил ладонь к голове друга. — И за то, что помог тебе одолеть ещё полпиалы.

— Настоящий подвиг во благо общества.

Задетый за живое, Янь Цзиньчэн с досадой толкнул его в плечо:

— Сними руку, пока не прибил.

Цзян Ли расхохотался ещё пуще и добродушно взлохматил торчащие на макушке Цзиньчэна вихры:

— Я тебе не репка, чтобы меня из земли выдёргивать.

Янь Цзиньчэн ничего не ответил, лишь сбросил его руку и зашагал прочь.

— Ой-ой, Учитель Янь, откуда столько обиды? — Цзян Ли сунул руку в карман, поглубже заталкивая бумажный цветочек, и поспешил вслед за ним. Улыбка так и не сходила с его лица.

Словно желая доказать, что красную звёздочку он заслужил не напрасно, Цзян Ли проявил себя уже вечером. Когда прозвенел звонок с последнего урока самоподготовки, Янь Цзиньчэн всё ещё копался со своими тетрадами. Поднявшись и мельком глянув в окно, он замер: снаружи, прижавшись к раме, стоял Цзян Ли и с едва заметной усмешкой наблюдал за ним.

Янь Цзиньчэн невольно поджал губы и, уловив спиной чужой взгляд, обернулся. Так и есть: Юань Лэй стоял скрестив руки на груди и подозрительно прищурившись рассматривал его.

Янь Цзиньчэн неловко почесал кончик носа и замялся:

— Да я...

— «Он не займёт твоё место, не займёт!» — взорвался Юань Лэй, уперев одну руку в бок, а другой указуя на окно. — Ты посмотри на него! Это же чистой воды дворцовый переворот!

Янь Цзиньчэн со смешком вздохнул и прибавил ходу. Быстро сгреб вещи в портфель, протиснулся мимо Юань Лэя и, заметив, что тот застыл на месте, вернулся на шаг назад и потянул друга за рукав, неуклюже пытаясь его успокоить:

— Тебе же меньше забот, радовался бы.

— Ты не путай! — буркнул Юань Лэй. — Разные вещи!

— Да-да, конечно, самые разные, — покорно поддакнул Цзиньчэн.

— Эх... — Юань Лэй поглядел, как Янь Цзиньчэн впервые плетётся за кем-то следом из класса, и сокрушённо покачал головой: — Вырос сынок, в родном гнезде не удержать...

Янь Цзиньчэн оглянулся:

— Что за чушь ты несёшь?

— А сам как думаешь? Ты не заметил, что в последнее время сблизился с Цзян Ли сверх всякой меры? То перешёптывается за едой, то к нему в гости с ночёвкой катишь, а сегодня вообще к себе домой притащил обедать! Брат Янь, а куда делась вся твоя прежняя неприязнь, а?

— Испарилась, — Янь Цзиньчэн крепче сжал лямку рюкзака, стараясь говорить как можно ровнее. — Разве дружба завязывается не так?

— Да я просто не ожидал! — Юань Лэй к сегодняшнему дню и сам понял, что Цзян Ли парнем оказался неплохим, но в его представлении эта «хорошесть» должна была оставаться на дистанции. Он и подумать не мог, что такой человек войдёт в их узкий круг.

Кивнуть при встрече, перекинуться парой слов, попрощаться — и никакой душевной близости. Вот это был истинный стиль Янь Цзиньчэна.

Кто же знал... Голос Янь Цзиньчэна стал совсем тихим, он отвёл взгляд и неопределенно пробормотал:

— Ожидал, не ожидал... Что вышло, то вышло.

Расстояние до дверей было совсем небольшим. Едва последние ученики вышли из класса, как их неторопливая беседа прервалась сама собой.

Цзян Ли, поджидавший снаружи, как только Янь Цзиньчэн переступил порог, тут же схватил его за руку и потянул за собой. В его голосе звучал затаённый восторг:

— Пошли, домой, домой!

— И как это понимать? — Юань Лэй протиснулся к ним, сжав зубы. — Не было бы счастья, да несчастье помогло? Или «старая вражда позабыта»?

Цзян Ли подхватил Янь Цзиньчэна под локоть, осторожно переставив его по правую руку от себя, и только после этого откликнулся на выпад Юань Лэя:

— Это называется «сожалею, что не встретились раньше».

— Какая сентиментальность! — скривился Юань Лэй.

Цзян Ли лишь усмехнулся в ответ.

Заметив, что Янь Цзиньчэн совершенно не возражает против такой опеки, Юань Лэй сокрушённо задрал голову:

— Похоже, ты выложил ему абсолютно всё.

Янь Цзиньчэн лишь повесил нос и оставил это высказывание без ответа.

— Ладно, раз так, не буду читать нотации. Вверяю Братца Яня в твои надёжные руки, — с наигранной скорбью произнёс Юань Лэй.

Цзян Ли уже собрался кивнуть, но тот внезапно изменил тон:

— Упустишь его или уронишь — пеняй на себя, отполучишь по полной.

Цзян Ли весело хмыкнул:

— И кто же меня отлупит?

— Мы с Тан Юанем устроим тебе парный партер, а Брат Янь будет стоять рядом и пинать тебя ногами.

Цзян Ли серьёзно кивнул:

— Идёт. Будь спокоен.

Сегодня Юань Лэй сам торопился домой рубиться в игры, так что шаг его с каждой секундой становился всё стремительнее. Пройдя половину пути, он вдруг сообразил, что бросать друзей как-то некомильфо, и для приличия оглянулся:

— Я побежал?

Янь Цзиньчэн вскинул голову и откликнулся без малейшего колебания:

— Давай, удачи!

Юань Лэй-то надеялся, что его хотя бы ради приличия попросят пройти за компанию, а тут такая поспешность избавиться от старого друга!

Он с досадой взвалил рюкзак на плечо, смерил Янь Цзиньчэна взглядом, полным праведного гнева, и буркнул себе под нос:

— Вырос, точно вырос... В родном гнезде не удержать!

<http://bllate.org/book/20112/1993405>